

LANKO Dmitriy Aleksandrovich, *Cand.Sci.(Pol. Sci.)*, Associate Professor of the Chair of European Studies, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University (1/3, entrance 8, Smolnogo St, Saint-Petersburg, Russia, 191060; d.lanko@spbu.ru)

TARASOV Il'ya Nikolaevich, *Dr.Sci.(Pol. Sci.)*, Head of the Chair of Political Science, Social Technologies and Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 Chernyshevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236022; ITarasov@kantiana.ru)

SHVETS Yana Vladimirovna, *postgraduate student of the Chair of Political Science, Social Technologies and Communications*, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 Chernyshevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236022; yanashvets08@gmail.com)

THE ACTIVE AGENTS OF SOFT POWER OF GERMANY IN ESTONIA: ANALYSIS OF ORGANIZATIONAL FACTORS

Abstract. Germany is one of the most successful states in terms of application of soft power in its foreign policy. The Baltic Sea Region is a potential part of German sphere of interests, which is also vital for the interests of Russia. Non-governmental organisations are effective tools of securing German interests in the region, particularly in Estonia. This article by means of factor analysis evaluates the influence of the main organisational factors on German non-governmental activism in Estonia. The study behind this article specifies the limits of evaluation and prognosis of German non-governmental activism in the region.

Keywords: soft power, non-governmental organisations, factor analysis, Germany, Estonia

УРАЗБАЕВ Евгений Евгеньевич — аспирант кафедры политики, социальных технологий и массовых коммуникаций Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; yrazbaev@gmail.com)

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА В СТРАНАХ БАЛТИИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье проводится анализ подходов к исследованию политической институционализации идеологии на примере стран Балтии. Автор выделяет квалифицирующие критерии для определения националистических организаций, а также предлагает методику, позволяющую оценить и сравнить уровни их институционализации.

Ключевые слова: политическая институционализация, национализм в странах Балтии, индекс институционализации

Этнический национализм в виде политической идеологии и практики, которые подразумевают доминирование одной группы, обладающей первичным правом на государственность, над другими, распространился во многих странах бывшего СССР. В конце XX в. он стал не только идеологической альтернативой, но и средством политической мобилизации населения и основой формирования идентичности. До распада СССР политико-государственная идентичность была воплощена в понятии «советский народ», что подразумевало собой «новую историческую, социальную и интернациональную общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру,

союзное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма»¹. Определение, декларирующее равенство наций и народностей, включенных в «коллектив тружеников» и объединенных идеологией и принципами, представляло яркий пример идеологического конструктивизма. К началу кризиса отечественной политической системы стало очевидно, что «советизация» потерпела неудачу. К тому же времени руководство СССР начало терять идеологический и кадровый контроль над элитами ряда республик, что позволило им консолидироваться на этнической основе.

Этнонациональная политика ряда посткоммунистических государств, в частности Латвии и Эстонии, выразилась в комплексе мер для закрепления приоритета так называемой титульной нации: в принятии этноцентричных конституций и законов; изменении официальной интерпретации исторического прошлого; создании контролируемых государственных учреждений; принятии программ «национальной идентичности» и т.п. Как показывает опыт указанных государств, формирование этнополитических идентичностей титульного населения проходит в тесной связи с институционализацией национализма.

Изучать институционализацию национализма можно по ряду аспектов, в т.ч. организационному, где внимание следует уделить организационно-структурным воплощениям национализма. При оценке политической институционализации в организационном смысле ее зачастую рассматривают как процесс, служащий средством зарождения, закрепления и развития организаций. Так как исследуемые объекты могут иметь разный уровень институционализации, ученые ведут дискуссии, во-первых, по поводу критериев его оценки, а во-вторых, по поводу методики измерения.

Предлагая собственные критерии институционализации, С. Хантингтон определил следующие пары: «адаптивность — ригидность», «сложность — простота», «автономия — подчинение», «сплоченность — раздробленность» [Хантингтон 2004]. Первая пара критериев связана с тем, что высший уровень институционализации принадлежит наиболее адаптивной организации или процедуре, а низший относится к самому ригидному институту. С одной стороны, эта позиция обосновывается автором через объяснение влияния окружающей среды на институт. Организация или процедура, с успехом справляющаяся с внешними требованиями, имеет растущий уровень институционализации. С другой стороны, уровень институционализации зависит от возраста института. Вторая пара критериев «сложность — простота» обоснована тем, что организация с высшим уровнем институционализации будет наиболее сложной. Выражение организационной сложности институтов может проявляться в усложнении их структур, в функциональном и не только разделении отдельных видов их частей и в наличии множества целей. С точки зрения автономии политическая институционализация подразумевает развитие, при котором политические организации и процедуры не ограничиваются функцией выражения интересов отдельных социальных групп. Четвертый аспект у С. Хантингтона связан с тем, что более сплоченная организация обладает высшим уровнем институционализации, чего нельзя сказать при ее раздробленности.

В. Рэнделл и Л. Свонд раскритиковали вышеупомянутый подход за то, что модель С. Хантингтона смешивает причины и следствия институционализации, а также за тавтологию критериев [Randall, Svåsand 2002: 10]. Изучая политические партии, исследователи предложили матрицу институционализации. С одной стороны, они выделили внутренние процессы, проходящие внутри организаций, и внешние, выраженные в отношениях партий с обществом и его элементами; с

¹ Советский энциклопедический словарь (гл. ред. А.М. Прохоров). 2-е изд. М.: Советская энциклопедия. 1982. С. 1127.

другой – структурные и позиционные компоненты процесса институционализации [Randall, Svåsand 2002: 12-13]. Структурным аспектом внутреннего измерения процесса у В. Рэнделла и Л. Свонанда является «системность». Она представляет собой масштаб, интенсивность и регулярность взаимодействий, образующих политическую партию как структуру. «Инфузия ценности», предполагающая то, что члены партии и ее сторонники идентифицируют и связывают себя с организацией, предстает вторым аспектом внутреннего измерения процесса, но уже позиционным. Аспект, являющийся внешним и структурным, называется «автономией выбора», а «материализация» предстает внешним позиционным измерением характеристик институционализации и несет в себе оценку существования политической партии в социальных представлениях.

Немецкие исследователи М. Баседо и А. Стро на основе понятия институционализации С. Хантингтона и концепции В. Рэнделла и Л. Свонанда предложили собственную модель измерения партийной институционализации в виде индекса институционализации партий (ИИП). Ученые приводят четыре параметра институционализации: внутреннюю стабильность – уровень организации, внешнюю стабильность – укоренение в обществе, внутреннюю инфузию ценности – когерентность (связь, слаженность) и внешнюю инфузию ценности – автономию [Basedau, Stroh 2008: 9]. Каждый параметр включает в себя индикаторы, балльная оценка которых позволяет рассчитать ИИП. Параметры раскрываются и кодифицируются по следующим индикаторам: укорененность в обществе, автономия, уровень организации и когерентность [Basedau, Stroh 2008: 27]. Заслуга М. Баседо и А. Стро состоит в комплексной разработке модели измерения партийной институционализации и в предложенной ими системе кодификации индикаторов, что позволяет оценить уровни становления и развития партий, а также сравнивать их.

Вместе с тем применение методики измерения партийной институционализации, предложенной немецкими исследователями, ко всему перечню националистических организаций является нецелесообразным по двум причинам. Во-первых, из-за того, что националисты в политической жизни современных стран Балтии имеют различную организационную структуру, и при измерении уровня их институционализации необходимо использовать отличный набор индикаторов. Во-вторых, исследование националистических организаций, представляющих собой идеологически обособленную часть объединений и групп, требует определения ключевых критериев, которые помогут не только отделить организации националистического спектра от других, но и типологизировать их.

Для решения этой задачи на основе критериев, предложенных И.Н. Тарасовым [Тарасов 2015: 56], были выдвинуты три квалифицирующих критерия:

а) степень формализации организационной структуры: формализованные (разделенные по организационно-правовой форме политические партии и другие общественные организации) или неформализованные (действующие легально или нелегально) группы;

б) самоидентификация, представляющая собой документально закрепленную (в отношении легальных организаций) приверженность принципу политического приоритета этнической нации и компонентов этнической идентичности;

в) националистический характер деятельности организаций, отраженной в сообщениях СМИ.

На основе применения трех указанных критериев выяснилось, что в Латвии, Литве и Эстонии на начало 2016 г. насчитывается около 30 активно действующих общественных объединений и группировок. Очевидно, что, основывая свою деятельность на этническом факторе, организации зачастую ставят своей

целью не поддерживать и развивать этническую общность, а политически мобилизовать людей для достижения собственных интересов.

«Ведущая» группа националистов стран Балтии включает в себя политические партии. Некоторые из них (латвийская партия «Все для Латвии!» — «Отечеству и свободе/ДННЛ», литовская партия «Союз Отечества — Литовские христианские демократы», эстонская партия «Союз Отечества (Исамаалийт) и ResPublica») представлены в национальных парламентах и имеют возможность влиять на внутреннюю и внешнюю политику своих стран. Общей чертой непарламентских националистических партий стран Балтии является отстаивание более радикальных методов решения национального вопроса. Вторая группа, в которую вошли достаточно разнородные националистические организации, представлена общественными ассоциациями и движениями, которые отличаются как по виду официально зарегистрированной организационно-правовой формы деятельности, так и по характеру политических требований и установок. В третью группу были включены неформальные группировки, которые отличаются слабой организационной структурой, малосодержательными политическими программами и крайне радикальной направленностью националистической деятельности.

Для определения уровня институционализации указанных националистических организаций предлагается использовать индекс, представляющий собой сумму средних арифметических показателей индикаторов, оцененных в баллах, по 4 параметрам.

Первый внешний параметр, именованный «укорененность в обществе», характеризует роль и место организации в социальной жизни. Для его определения были выделены следующие индикаторы: возраст организации с момента провозглашения независимости государства от СССР с учетом изменения организационно-правовой формы (0 баллов — меньше 6 лет, 1 балл — 6–12 лет, 2 балла — 12–18 лет, 3 балла — больше 18 лет); организационно-правовая форма (0 баллов — неформальная группировка, 1 балл — иная общественная организация, 2 балла — политическая партия); влияние организации на принятие политических решений (0 баллов — нет возможностей, 1 балл — наличие связей организации с действующей государственной властью, 2 балла — представители организации работают в законодательном органе власти, 3 балла — представители организации работают в исполнительном органе власти). Последний индикатор является одним из наиболее значимых, т.к. участие представителей объединений или групп в постановке и достижении целей в сфере государственной власти говорит о высокой роли организации и, как следствие, ее институционализации.

Второй внешний параметр, представленный «автономией», позволяет определить степень самостоятельности организации на основе оценки независимости в принятии решений, ее политической активности и обеспеченности необходимыми ресурсами. Индикаторы автономии: независимость при принятии решений по программным, кадровым и иным вопросам (0 баллов — организация зависит от других субъектов, 1 балл — частично зависит либо имеются объективные сомнения, 2 балла — организация независима); материальные и кадровые ресурсы (0 баллов — относительно мало ресурсов: немного сотрудников, офисов, фондов, 1 балл — несколько, 2 балла — много); политическая активность организации (0 баллов — нет политического участия или деятельности, 1 балл — политическое участие, 2 балла — политическая деятельность).

Первый внутренний параметр — «организованность» определяется после балльной оценки: регулярности организационных мероприятий (0 баллов — спорадические мероприятия или их отсутствие, 1 балл — значительные ограни-

чения по регулярности, 2 балла – регулярные мероприятия); целостности объединения или группы (0 баллов – деструктивное разделение, фракционность, 1 балл – внутренняя борьба без расколов, 2 балла – умеренные конструктивные отношения или отсутствие фракционности); организационного присутствия в столице, крупных, малых городах, деревнях (0 баллов – присутствие только в одной категории административно-территориальных единиц, 1 балл – присутствие в двух категориях, 2 балла – присутствие в трех-четырёх категориях).

«Когерентность» характеризуется слаженностью организации. Индикаторами здесь выступают: наличие общей программы организации (0 баллов – отсутствие программных документов, 1 балл – не общепринятые программные документы, 2 балла – имеются общепринятые и документально закреплённые цели и принципы организации) и последствия внутренних противоречий (0 баллов – изгнание отступающих от общей линии, 1 балл – словесная непримиримость либо угрозы от руководства организации, 2 балла – отсутствие противоречий либо свободная внутренняя дискуссия). Кроме этого, второй внутренний параметр дополняется оценкой смены руководства объединений и групп, по которой организации, наиболее часто меняющие своих лидеров, относятся к категории субъектов с низким уровнем когерентности (0 баллов – 2 и более смен, 1 балл – смен не было, 2 балла – единичная смена либо редкие решения о смене руководства).

Исследование организационного аспекта политической институционализации национализма предполагает изучение зарождения, закрепления и развития тех объединений или групп, которые разделяют принцип политического приоритета определенной нации и этнической идентичности над другими. Для оценки и сопоставления уровней институционализации националистических организаций, а также других объединений и групп предлагается использовать индекс, выраженный в сумме средних арифметических показателей, рассчитанных на основе анализа 4 параметров, которыми следует признать организованность, укорененность в обществе, когерентность и автономию.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01209.

Список литературы

Тарасов И.Н. 2015. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии. – *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 6. С. 55-62.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.

Basedau M., Stroth A. 2008. Measuring Party Institutionalization in Developing Countries: A New Research Instrument Applied to 28 African Political Parties. – *GIGA Working Papers*. № 69.

Randall V., Svåsand L. 2002. Party Institutionalization in New Democracies. – *Party Politics*. № 8. P. 5-29.

URAZBAEV Evgeniy Evgenyevich, postgraduate student of the Chair of Political Science, Social Technologies and Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 Aleksandra Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236041; yrazbaev@gmail.com)

THE MEASUREMENT OF THE NATIONALISM INSTITUTIONALIZATION IN THE BALTIC STATES: ORGANIZATIONAL ASPECT

Abstract. The article analyzes the approaches to the study of political institutionalization of ideology in the Baltic States. The author identifies the qualifying criteria for determining the list of nationalist organizations of the Baltic States and proposes a method that allows evaluating and comparing the levels of institutionalization of these organizations.

Keywords: political institutionalization, nationalism in the Baltic States, institutionalization index

АДЖИБ Шади – адъюнкт кафедры политологии Военного университета Министерства обороны РФ (123001, Россия, г. Москва, Большая Садовая ул., 14; shadishadi@outlook.com)

ВОЛКОВ Ярослав Валерьевич – доктор политических наук, начальник кафедры ближневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ (123001, Россия, г. Москва, Большая Садовая ул., 14; yar1963volkov@yandex.ru)

МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И СПЕЦИФИКА ЕГО РАЗВИТИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются содержание современного мирового политического процесса и особенности его проявления на Ближнем Востоке. Авторы делают вывод, что Ближневосточный регион продолжает являться узлом мировых проблем, многие из которых не решаются в течение уже многих десятилетий, а Ближний Восток в современных условиях становится главным генератором мирового политического процесса в целом.

Ключевые слова: мировой политический процесс, конфликт, Ближневосточный регион, международный терроризм

Мировой политический процесс представляет собой системную совокупность происходящих на международной арене событий и действий, соответствующих статусу и функциям субъектов международной жизни и характеризующих тенденции и перспективы их развития. Другими словами, это разнообразие политических взаимосвязей, взаимодействий и отношений субъектов международной жизни, а также динамика изменений в ходе исполнения ими своих функций. Мировой политический процесс охватывает всю совокупность взаимосвязанных политических явлений, событий и действий в международной жизни и формируется в результате взаимодействия субъектов мировой политики по поводу их статуса и роли в международных отношениях. Как категория политической науки мировой политический процесс имеет сущность, современное содержание, структуру, особенности проявления и региональное измерение. Его сущность заключается в совокупности взаимосвязанных политических явлений, событий и действий, отражающих статусы и роли субъектов